

В.К. Косс

МАМА СКАЗАЛА, ЧТО Я ВСЕ ВЫДУМАЛА

Психологический семейный роман

18+

В.К. Косс

Мама сказала, что я все выдумала

«Автор»

2026

Косс В.

Мама сказала, что я все выдумала / В. Косс — «Автор», 2026

Вера приезжает в родной город на три дня. Мать сломала ногу, младшая сестра просит помочь. Условие одно: отчима дома не будет. В девятнадцать лет Вера рассказала матери о насилии. В ответ услышала: «Ты все выдумала». Она ушла из дома. Олег остался, а родственникам объяснили, что дочь просто не захотела жить в семье. Теперь он возвращается раньше обещанного. Через шесть недель у сестры свадьба, и мать отказывается прийти без мужа. Вера шьет Ане свадебное платье. Обещать, что сама будет на празднике, она пока не может.

Содержание

Глава 1. Звонок	5
Глава 2. Правило трех дней	9
Глава 3. Человек с пакетом	12
Глава 4. Девятнадцать	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В.К. Косс

Мама сказала, что я все выдумала

Содержит упоминания сексуального насилия и алкогольной зависимости.

Глава 1. Звонок

Когда позвонила Аня, я держала во рту две булавки. В цехе спорили, можно ли выпускать актрису в платье, которое под сценическим светом становилось прозрачным. Лида прижимала к ткани телефон с включенным фонариком, а я пыталась объяснить, что свет снизу не заменяет прожектор.

На экране появилось сестрино имя. Обычно она сначала присылала сообщение: «Ты занята?» На прямой звонок я ответила сразу, выплюнув булавки в ладонь.

— Мама в больнице.

Я отошла к окну. Во дворе два рабочих тащили лист фанеры. Один пятился и ругался, потому что второй наступал ему на ноги.

— Что случилось?

— Упала. Сломала ногу. Уже прооперировали, все нормально.

Мама могла сказать «все нормально» и с синяком на щеке, и с неоплаченным счетом в руке. Я давно перестала успокаиваться от этих слов.

Я спросила, в какой больнице она лежит, когда это произошло и почему мне не сказали сразу.

— Вчера. Я сама вечером узнала. Вера, ты можешь приехать?

Лида поймала мой взгляд и беззвучно показала на часы. До примерки оставалось двадцать минут.

— Когда выписывают?

— Завтра, если все хорошо. Мне надо в область, у нас инвентаризация. Я поменялась бы, но уже два раза менялась. Только на несколько дней. Потом я сама.

— А Олег?

Аня помолчала. Я слышала, как она переставляет что-то на столе: короткий стук, еще один. Она работала в магазине бытовой техники и говорила, вероятно, из подсобки.

— Он на даче. Там крыша потекла. До понедельника не приедет.

— Ты с ним говорила?

— Он сказал, что до понедельника.

Я смотрела на фанеру. Рабочие поставили ее у стены, отошли, и она сразу начала сползать. Тот, который ругался, успел подхватить край.

— Три дня, — сказала я. — До понедельника. И если он вернется раньше, я там не останусь.

— Хорошо.

Слишком быстрое согласие заставило меня переспросить:

— Аня, ты поняла?

— Да. Я поняла.

После звонка Лида не стала спрашивать, что произошло. Дождалась, пока я вернусь к столу, и подвинула ко мне кусок подкладки.

— Сколько тебе нужно?

— Три дня. Мать сломала ногу.

— Забери жилет. Его можно закончить без машинки. Платье доделаю я.

— Ты не успеешь.

— Значит, буду ворчать. Но успею.

Я хотела сказать, что могу уехать после примерки, вечером, и завтра с утра прислать фотографии жилета. Лида уже отвернулась к актрисе, которая стояла у двери в кроссовках и сценическом корсете, придерживая одной рукой распущенные волосы.

Я еще стояла у стола, хотя можно было идти. Хотела предупредить Лиду о незаконченной подкладке, но она уже взяла ее сама.

Дома я положила в сумку две футболки, брюки, зарядку, коробку с нитками и недошитый жилет. Вытащила брюки, добавила еще одну футболку. Потом долго искала дорожную зубную щетку, хотя обычная стояла в стакане над раковиной.

Илья пришел, когда я сидела на полу рядом с раскрытой сумкой. В руках у него был контейнер с гречкой и грибами. Он готовил много, потому что не умел рассчитывать порции на одного.

— Есть будешь?

— В автобусе.

Он оглядел сумку, поднял жилет с кресла и аккуратно сложил его по боковым швам.

— Что я могу сделать?

— Отвези меня на вокзал.

В машине он включил обогрев, хотя было только начало сентября. Я ничего не сказала. Через несколько минут сняла куртку.

— Тебе самой хочется ехать? — спросил он перед светофором.

— Ей нельзя наступать на ногу. Кто-то должен ее забрать.

— Я понимаю.

— Аня работает. У нее свадьба через несколько недель. Денег и так впритык.

Он остановился за маршруткой. В заднем окне качался плюшевый заяц, выцветший почти до белого.

— Я спросил про тебя.

Я потеряла пальцами край ремня безопасности.

— Мне хочется, чтобы это уже было сделано.

Илья кивнул. На вокзале купил мне воду и яблоко, хотя я сказала, что вода есть. Пакет я забрала. На благодарность хватило сил только у двери автобуса.

В дороге я закончила одну пройму жилета. Игла каждый раз попадала в темную ткань чуть левее нужного места, автобус трясло, и я наконец убрала работу. Рядом спала женщина с картонной коробкой на коленях. Из отверстия в коробке торчал зеленый лист. На поворотах женщина просыпалась, придерживала растение и снова закрывала глаза.

Я не была у матери дома почти два года. В последний раз забежала днем, когда Аня заранее сообщила, что Олег работает. Мама попросила купить чай, потом забыла, что попросила, и сказала, что этот сорт слишком дорогой. Мы просидели на кухне сорок минут. Я забрала старые школьные грамоты, которые ей мешали в шкафу, и ушла с ощущением, что выполнила неприятную, но необходимую процедуру.

Теперь мне предстояло остаться на ночь.

В больницу я приехала за полчаса до конца посещений. На первом этаже продавали кофе и булочки. Я взяла маме печенье, увидела на ценнике знакомую марку и положила пачку обратно. Не знала, какую она теперь любит. В итоге купила бананы.

Она лежала у окна. Правая нога была приподнята на подушке, пальцы выглядывали из повязки. На соседней кровати женщина в сиреневой кофте разговаривала по видеосвязи с внуком и настойчиво спрашивала, сделал ли он математику.

— Ну наконец, — сказала мама.

Я поставила сумку на стул.

— Автобус шел три часа.

— Я не про автобус. Вообще.

Она выглядела меньше, чем дома. Волосы, которые обычно красила в темный каштановый цвет, отросли у корней. Без очков мама щурилась, и складки вокруг глаз стали заметнее. На тумбочке лежали дешевые влажные салфетки, бумажный стакан и телефон в чехле с вытертым золотым цветком.

— Как нога?

— Нога как нога. Болит.

— Врач уже был?

— Был. Все рассказал Ане. Сядь, чего стоишь.

Я убрала с табурета свернутую больничную сорочку и села. Мама смотрела на мои руки.

— Опять пальцы все исколоты.

— Работа.

— Наперсток надо носить. Я тебе сколько говорила.

У нее самой на среднем пальце была старая светлая отметина. В детстве я думала, что так выглядят руки всех взрослых женщин. Она работала на фабрике, брала домой заказы, подшивала брюки соседям. Когда я впервые попросила научить меня шить, мама дала кусок простыни и велела распороть шов, не повредив ткань. Я обиделась: мне хотелось платье для куклы. Она сказала, что сначала надо научиться исправлять.

— Банан будешь?

— Потом. Ты ключи у Ани заберешь?

— Она меня встретит.

— В верхнем ящике мои теплые носки. Принеси завтра. Здесь ночью холодно.

Я записала в телефоне: носки, очки, зарядка. Мама проследила за движением моего пальца.

— Раньше все в голове держали.

— Я могу забыть.

Она вздохнула и поправила край одеяла. Потом спросила, как работа, но ответ не дослушала. Ей понадобилось приподняться, и я помогла передвинуть подушку. Под ладонью ее плечо оказалось горячим и совсем привычным. Я помнила эту температуру с детства, когда мы теснились на диване перед телевизором. Я убрала руку, как только она устроилась.

Соседка закончила разговор и сказала:

— Дочка приехала? Вот и хорошо. А то ваша мама все в окно смотрит.

Мама улыбнулась ей с той легкой приветливостью, которая всегда удивляла людей, знавших ее только по праздникам.

— Старшая у меня далеко. Работа, свои дела. Некогда.

Я почистила банан, отломала половину и положила на салфетку. Мама взяла ее, не глядя на меня.

Перед уходом я спросила, как она упала.

— На кухне поскользнулась. Линолеум этот давно менять надо.

— Аня сказала, в подъезде.

— Ну в подъезде. Какая разница? Ногу сломала, а не протокол составляю.

Я закрыла сумку. Мама вдруг схватила меня за запястье. Несильно, двумя пальцами.

— Ты только без своего настроения, ладно? Мне сейчас и так тяжело.

Я посмотрела на ее руку, потом на лицо.

— Я приехала помочь после выписки.

— Вот и помогай.

В коридоре медсестра меня догнала и отдала список вещей. Попросила привезти свободные брюки и обувь на здоровую ногу. Говорила быстро, по делу, и я была ей благодарна за каждое простое слово.

Аня ждала у больничных ворот. На ней была моя старая джинсовая куртка, которую она однажды забрала с разрешения матери. Рукава ей были коротки.

Мы обнялись. Сестра пахла кофе и стиральным порошком.

— Спасибо, что приехала, — сказала она.

Я посмотрела на освещенные окна третьего этажа.

— До понедельника.

— Да, Вер. До понедельника.

В такси она рассказывала о костылях, которые нашла у коллеги, о лекарствах, о водителе, согласившемся помочь при выписке. Я слушала и отмечала, что еще нужно купить. Я спросила, справится ли водитель с лестницей. Аня сказала, что у него самого мать на втором этаже без лифта. До дома мы говорили только о выписке.

Глава 2. Правило трех дней

В прихожей стояли две пары мужских ботинок. Я остановилась на пороге, и Аня сразу сказала:

— Это старые. Он их не носит.

Ключ еще был у нее в руке. Дверь оставалась открытой, и лестничная клетка казалась просторнее всей квартиры.

— Он точно не вернется сегодня?

— Точно.

Я вошла и поставила сумку на пол. На стене висел календарь трехлетней давности с видом монастыря. Мама не переворачивала его после декабря: ей нравилась картинка. Под календарем было темное пятно, где раньше стоял телефонный аппарат.

Аня принесла из кухни табурет, чтобы я могла переобуться. Эта маленькая предусмотрительность растрогала меня больше встречи у больницы. Я села, развязала шнурки, долго вытаскивала пятку из кроссовка.

— Чай?

— Сначала покажи, что нужно сделать.

Мы ходили по квартире, словно осматривали помещение для временной аренды. Аня открыла холодильник, перечислила продукты, вытащила пачку творога с истекшим сроком и сунула в мусор. В ванной показала складной стул, который принес Костя.

— Ей самой здесь неудобно будет. Можно пока обтираться, врач сказал.

Из-под раковины торчала открытая бутылка. Сестра быстро задвинула ее ногой.

— Не надо, — сказала я.

Она выпрямилась.

— Что?

— Прятать.

Аня отвела взгляд к зеркалу. На полочке лежали три мамины помады, все без колпачков. Одну я помнила: мама купила ее на мой выпускной, а потом жаловалась, что оттенок слишком яркий.

— Я не прячу. Просто убираю.

— Хорошо.

Мы оставили разговор на этом месте.

В маленькой комнате на диване была постелена чистая простыня. Раньше здесь жили мы с Аней. Теперь у окна стояли коробки с плиткой, вентилятор без основания и две тяжелые сумки с вещами, которые мама хотела отдать, но все никак не отдавала. На подоконнике лежал мой школьный атлас. Я раскрыла его: между страницами сплюснулся лист березы, почти прозрачный. Сестра подошла со спины, и я захлопнула книгу.

— Можно коробки вынести?

— Куда? — спросила Аня.

Я оглядела комнату. Даже табурет поставить было некуда.

— Хотя бы от двери.

Мы сдвинули плитку к окну. Одна коробка надорвалась, посыпалась серая пыль. Аня принесла веник, я придерживала совок. Она сказала, что на работе точно так же рвутся упаковки с уцененными чайниками, и впервые за вечер засмеялась. Смех у нее был громкий, несколько хриплый; в детстве мама постоянно велела ей смеяться потише.

На кухне я открыла свой календарь и положила телефон на стол.

— Завтра привезем вещи и заберем ее. В понедельник утром я уезжаю. Ты в воскресенье уже будешь здесь?

— Ночью. Часов в десять.

— Кто приходит после?

— Я. И тетя Тамара обещала.

— Запиши дни. Чтобы она знала, когда ты, когда Тамара.

Сестра потеряла переносицу.

— Можно просто договориться.

— Можно. Но я хочу знать, что договорились.

Она достала блокнот с логотипом магазина. На первой странице было написано «Костя кольца», ниже — сумма, обведенная дважды. Я перевернула страницу, не читая дальше. Мы распределили покупки и уборку. Рядом с понедельником Аня написала свое имя.

Потом я добавила:

— Если он здесь, меня здесь нет. Это касается и выписки.

— Вер, ты уже сказала.

— Значит, скажу еще раз.

Она закрыла ручку. Щелчок получился неожиданно резким.

— Ты могла бы вообще не приезжать, если тебе настолько трудно.

Я положила руки под стол, чтобы она не видела, как я сжала пальцы.

— Могла.

Аня ждала продолжения. Наверное, привычного объяснения: почему я все-таки приехала, как люблю маму, как мне жаль. Я допила остывший чай. Сестра встала и начала мыть чашки.

— Ладно. Я поняла. Правда.

Она ушла через полчаса. Из прихожей попросила завтра напомнить маме про ортез, названия которого мы обе не могли запомнить. Я сказала, что у меня записано.

Когда закрылась дверь, квартира изменилась. Те же вещи перестали быть предметами, которые мы обсуждали вдвоем. Шкаф за моей спиной, дверца ванной, полоска света под кухонным окном — все требовало отдельного внимания.

Я обошла комнаты. В большой на тумбочке лежали мужские часы. Под ними стоял стакан с засохшей чайной полосой. Я вернулась в маленькую комнату, закрыла дверь и проверила ручку. Замка не было. Его сняли много лет назад, когда мама решила, что детям нечего запирается от семьи.

В сумке лежал жилет. Я вынула его, расправила на коленях и закончила вторую пройму. В театре этот жилет должен был носить старый камердинер, которого играл тридцатилетний актер. Лида просила сделать плечи покатыми, чтобы костюм менял фигуру. На изнанке я написала карандашом фамилию актера. Прочитала ее несколько раз. Чужое имя, чужая задача, совершенно понятный результат.

На ночь я пододвинула к двери одну из сумок с мамиными вещами. Сумка не могла никого остановить, зато при открывании дверь должна была зашуршать.

В половине второго пришло сообщение от Ильи: «Доехала?» Я забыла ему написать.

«Да. Все в порядке».

Я стерла вторую фразу и отправила только первую.

Он ответил: «Я еще не сплю».

Мы разговаривали десять минут. Он рассказал, что у одного клиента в проекторе оказался жук, и клиент потребовал доказать, что жук был там до ремонта. Я спросила, удалось ли установить возраст жука. Илья сказал, что независимая экспертиза пока не назначена. Я засмеялась, лежа на чужой простыне в комнате своего детства. Смех помешал мне заплакать; я почувствовала это физически, как проходящий спазм.

Утром проснулась от мусоровоза. Во дворе гремели контейнеры. Я выпила кофе, собрала вещи для больницы и открыла верхний ящик маминого комода.

Носки были перевязаны резинкой. Рядом лежали ножницы, рулетка, катушка красных ниток и маленькая коробка с пуговицами. На дне ящика, под платком, нашлась моя фотография: девятнадцатилетняя, у входа в швейное училище, с папкой под мышкой. Я улыбалась чуть в сторону от объектива, потому что меня фотографировала Рита и перед этим сказала какую-то глупость.

Оборот был чистым. Никакой даты, никакой надписи.

Я положила фотографию обратно, взяла носки и закрыла ящик.

В больнице мама сразу заметила, что очки лежат в мягком чехле.

— А жесткий куда делся?

— Не нашла.

— На комоде смотрела?

— Смотрела.

— Значит, плохо.

Я поставила на тумбочку зарядку, дождалась, пока она закончит перечислять места, где мог лежать чехол, и показала список покупок.

Мама читала долго, водя пальцем по экрану.

— Слишком много всего. Денег напрасно не трать.

— Здесь только то, что попросили.

— Вы с Аней все умеете усложнить.

Пришел врач. Объяснил, как долго нельзя нагружать ногу, предложил еще раз задать вопросы перед выпиской. Мама стала внимательной, собранной; даже голос изменился. Она попросила уточнить, когда приходить на осмотр, и сама записала дату на обороте упаковки салфеток.

Я увидела женщину, которая когда-то вела ведомости фабричной бригады, рассчитывала метраж ткани быстрее калькулятора и замечала чужую ошибку еще до того, как ей показывали готовую вещь. Эта женщина никуда полностью не исчезла. Она сидела передо мной, спрашивала врача и поправляла очки.

После его ухода мама посмотрела на список снова.

— Ничего. Купи. Я потом отдам.

Я не стала говорить, что не нужно. Назвала сумму, которую собиралась потратить. Она нахмурилась, но кивнула.

Перед выходом я остановилась у двери палаты.

— После обеда тебя заберем мы с Аней.

— Олегу сообщила?

— Нет.

— Он должен знать.

— Аня сообщит.

Мама натянула одеяло повыше.

— Все по-прежнему, значит.

Я смотрела на нее несколько секунд. Соседка у окна делала вид, что увлечена телефоном.

— Да. Я не останусь, если он придет. Ане я это сказала. Теперь говорю тебе.

Мама отвернулась. Я постояла у двери, дожидаясь ответа, потом вышла. В коридоре пришлось вернуться за сумкой: оставила ее возле кровати.

Глава 3. Человек с пакетом

Маму привезли домой в субботу после обеда. Водитель помог Ане поднять ее на второй этаж, а я несла костыли и пакет с больничными вещами. На каждой площадке мама спрашивала, сколько осталось. Под конец уже никто не отвечал: впереди была дверь, и все ее видели.

В большой комнате мы заранее развернули кресло, чтобы она могла смотреть телевизор. Мама велела вернуть его на место.

— Мне отсюда дверь не видно.

Аня послушно взялась за спинку. Я поставила костыли у стены.

— Сначала сядь. Потом переставим.

Она села, выдохнула и закрыла глаза. Несколько минут лицо было неподвижным, и я испугалась, что ей плохо. Потом мама спросила, почему из кухни пахнет луком. Я варила суп.

— Не люблю, когда все пропахло.

— Я открою окно.

Аня уехала за билетами: на следующий день ей нужно было рано выезжать в область. Перед уходом она проверила, заряжен ли мамин телефон, пообещала позвонить вечером и задержалась в прихожей.

— Если что, Костя рядом. Я ему сказала.

— Он знает, что именно «если что»?

Сестра стала застегивать молнию, хотя куртка была расстегнута и в квартире жарко.

— Я сказала, что может понадобится помощь.

— Хорошо.

Я не спросила, знает ли Костя обо мне. До свадьбы оставалось шесть недель, а сестра так и не представила нас нормально: пару раз мы встретились у магазина, обменялись приветствиями. Он был высокий, немного сутулый, всегда смотрел собеседнику в лицо. Аня говорила, что он спокойный. Олега в свое время тоже называли спокойным.

Мама поела четыре ложки супа и попросила убрать тарелку. Я предложила еще разогреть позже, если захочется. Она сказала, что с таким уходом скоро станет капризной старухой, и сама засмеялась. Я вымыла тарелку, оставив суп в кастрюле.

Потом мы учились проходить из комнаты в ванную. Она опиралась на костыли, я шла рядом, не хватая ее без необходимости. На пороге мама остановилась.

— Ты держи меня. Я упаду.

Я подставила плечо. Ее пальцы вцепились в футболку у горловины, растянули ткань. Мама тяжело дышала, смотрела на собственную ногу и сердилась от бессилия. Мне стало ее жаль. Мама, которая раньше поднимала одной рукой машинку в чехле, теперь не могла переступить через порог.

Вернувшись в кресло, мама попросила дать ей телефон. Я принесла и вышла на кухню. Из комнаты донеслось:

— Да, дома уже. Да, старшая приехала.

Я выключила воду, чтобы слышать дальше. Мама говорила тише, и я могла разобрать только отдельные слова. Через минуту она позвала меня.

— Он спрашивает, что купить.

— Пусть Ане напишет.

— Она занята. Человеку просто надо знать, что купить.

— Мне от него ничего не нужно.

Мама посмотрела на соседний стул и протянула телефон в пустое пространство между нами. Я осталась у двери.

— Ты же не можешь всю жизнь так, — сказала она.

Я ушла на кухню, не взяв телефон.

Днем я работала над жилетом. На подоконнике удобно поместилась коробка с нитками. За окном мальчик гонял мяч между двумя припаркованными машинами, и каждую минуту включалась сигнализация. Мама дремала под телевизор. К четырем я пришила последние крючки и сфотографировала работу для Лиды.

Она ответила: «Красиво. На левой полочке последний крючок выше. Проверь».

Я проверила. Был выше на три миллиметра. Распорола, переделала, прислала еще раз. Лида поставила большой палец. Эта короткая переписка вернула мне ощущение времени: в другом городе тоже был день, люди занимались своими делами, и мое присутствие там должно было иметь значение.

Ключ повернулся в замке в половине пятого.

Я услышала, как металл зацепил край скважины, потом щелкнул замок. За много лет звук почти не изменился. Мама открыла глаза раньше, чем дверь распахнулась.

Олег вошел с пакетом из продуктового магазина. На нем была рабочая куртка, на темном рукаве — пятно сухой штукатурки. Он аккуратно вытер ботинки о коврик.

— Ну что, больная, привезли тебя?

Мама улыбнулась. Он заглянул в комнату, увидел меня и чуть приподнял подбородок.

— Здравствуй, Вера.

Я встала. Нитка, которой был пришит крючок, тянулась от жилета к катушке. Я перерезала ее ножницами, положила жилет в сумку.

— Ты должен быть на даче, — сказала я.

— Дождь пошел. Какую крышу в дождь делать?

Он говорил без раздражения. Словно объяснял очевидную рабочую задержку любому человеку, оказавшемуся в квартире.

— Аня сказала, что до понедельника.

— Аня много чего говорит. Мать дома, мне что, не приходить?

Мама поправила подушку под ногой.

— Он продукты принес. Ты сразу начинаешь.

Я взяла свою сумку и телефон. Носки и белье остались в маленькой комнате, но туда нужно было пройти мимо него. Я посмотрела на этот короткий путь и решила, что заберу позже.

— Я ухожу.

— Куда? — спросила мама.

— К Рите. Или в гостиницу.

— Ты еще и на гостиницу деньги выбросишь?

Олег поставил пакет на пол. Из него выглядывала белая упаковка молока.

— Я могу в гараж пойти, — сказал он. — Если из-за меня такие сложности.

Предложение было произнесено достаточно громко, чтобы его услышала мама. Она сразу ответила:

— Еще чего. Это твой дом.

Я застегнула сумку. Пальцы слушались плохо, молния зацепила край подкладки. Пришлось освободить ткань, и эти несколько секунд показались униЗИТЕЛЬНО долгими.

— У нее таблетки по списку, — сказала я. — Суп в холодильнике. Воду поставьте рядом с креслом.

Олег взял пакет и прошел на кухню. Освободившийся коридор позволил мне выйти.

Мама крикнула вслед:

— Ты всегда уходишь в самый нужный момент!

Я остановилась у двери, нащупывая кроссовки ногами.

— Я сказала Ане, при каких условиях приеду.

— А мне кто сказал?

— Ты слышала меня утром.

Из кухни донесся звук открывающегося холодильника. Олег проверял, что уже есть, как любой хозяйственный человек с покупками. Я наконец завязала шнурки и вышла.

На лестнице пахло жареной рыбой. На первом этаже женщина мыла площадку, ведро стояло посередине прохода. Я попросила подвинуть его. Она отодвинула, посмотрела на мою сумку.

— К Галине приезжала? Как она?

— Дома. Поправляется.

— Олег-то молодец. Утром все спрашивал, что ей можно. Хорошо, когда мужчина заботливый.

Я кивнула ей, чтобы пройти. Уже на улице поняла, что кивнула.

Рита ответила после второго гудка.

— Ты где?

— Во дворе у мамы. Можно к тебе?

— Конечно. Я до шести в мастерской. Приходи сюда, потом домой поедем.

Я хотела добавить, что только на одну ночь, что денег на гостиницу у меня хватит, что это неудобно. Рита назвала адрес мастерской, хотя я его знала, и попросила по пути купить хлеб.

В магазине я выбрала нарезной батон. Держала его в руке, стояла у кассы. Впереди мужчина искал в карманах мелочь, кассирша терпеливо ждала. Ничего не происходило, что требовало бы от меня быстрого решения. Я могла подождать.

Сестра позвонила, когда я вышла.

— Почему ты ушла?

— Он вернулся.

— Я ему сейчас позвоню.

— Не надо.

— Вер, я правда не знала. Он обещал.

Я поставила сумку на скамейку у магазина.

— Я тебе верю.

На другом конце стало тихо.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Как?

— Будто все. Будто теперь я виновата.

Я посмотрела на батон в прозрачном пакете. За день это была третья вещь, которую я несла кому-то, и единственная, которую мне хотелось принести.

— Ань, я не обвиняю тебя. Но оставаться с ним не буду.

— Что мне делать с поездкой?

— Решать самой. Я не останусь там с ним.

Аня резко выдохнула. Я слышала, как она идет: удары каблучков, ветер у микрофона.

— Ладно. Я заеду к ней вечером.

— Позвони, если надо купить что-то. Привезу, когда его не будет.

Она сказала «хорошо», но уже без прежней легкости.

В мастерской Рита сидела за машинкой. На подставке у стены висели пять пар брюк, все с бумажными бирками. Увидев меня, она закончила строчку, выключила машинку и вытерла руки о джинсы, хотя они были чистыми.

— Хлеб принесла?

Я подняла пакет.

— Тогда чай. Рассказывать можешь потом.

Она освободила стул, поставила на стол две чашки. Я села. Рита подвинула ко мне ножницы, которые мешали локтю. Впервые за этот день мне не пришлось проверять, где находится дверь.

Глава 4. Девятнадцать

В девятнадцать лет я собиралась снимать комнату у женщины, которая держала трех кошек и брала деньги за электричество отдельно. Комната была проходная, через нее попадали на балкон. Хозяйка уверяла, что зимой на балкон не ходит, а летом я все равно буду на работе.

Мне нравилось, что в комнате стоял свой стол. Простой письменный стол с пятном от кружки. Я уже представляла, как поставлю на него машинку, разложу выкройки и буду ужинать, отодвинув ткань. До этого всю жизнь работала на кухне, освобождая место к приходу остальных.

Рита сказала, что проходная комната за такие деньги — грабеж. Мы все равно внесли хозяйке небольшой задаток. Я рассчитывала получить оплату за три выпускных платья и переехать через неделю.

Мама тогда еще работала. Пила вечерами, иногда по выходным с утра, но на фабрику приходила вовремя и считала это достаточным доказательством, что никаких проблем у нее нет. Олег жил у нас около двух лет. За это время он сменил смеситель, повесил полки в ванной и приучил нас спрашивать, можно ли включить стиральную машину: его раздражал шум.

Вечером, когда я рассказала про комнату, мама сидела у окна и чистила яблоко одним длинным витком. Кожа свешивалась к коленям.

— Это у кого? — спросила она.

Я назвала улицу.

— Знаю я этот дом. Там подъезды страшные.

— В нашем тоже не дворец.

— У себя ты под присмотром.

Слово «присмотр» тогда показалось мне смешным. Я училась, работала по вечерам в ателье, покупала продукты, если мама задерживалась, проверяла у Ани уроки. Сестре было тринадцать, и она могла часами рисовать одежду на полях тетрадей, а потом получить двойку, потому что под рисунками не оставалось места для решения.

Олег прибавил звук телевизора.

— Пусть идет, — сказал он. — Взрослая. Надо ей самостоятельности.

Мама сердито взглянула на него, потом на меня.

— Деньги закончишь — обратно прибежишь.

Я ответила, что деньги еще сначала нужно получить. Мне казалось, это прозвучало уверенно.

За два дня до переезда Рита позвонила и сообщила, что ее мать зовет меня на ужин. Я отказалась: нужно было закончить рукав, а хозяйка одного платья обещала утром приехать на примерку. Аня ушла к подруге, мама была на смене. Я осталась дома с работой.

В тот вечер Олег изнасиловал меня.

Долгое время я говорила «он пристал». Рите, потом Илье. Слово «изнасиловал» застряло; мне казалось, произнесу его — и придется рассказывать все. Теперь я могу назвать то, что произошло. Подробности рассказывать не хочу.

Я помню утро. На кухонном столе лежал рукав, который так и остался недошитым. В стакане стояла ложка. Мама пришла с работы, поставила пакет с хлебом рядом с тканью и спросила, почему я не сплю.

Я сказала, что мне нужно ей кое-что рассказать.

Она достала хлеб из пакета.

— Подожди, руки вымою.

Я ждала у стола. Из ванной шла вода. Потом щелкнул выключатель, мама вышла и села. На ней была коричневая кофта с маленькой дырочкой у манжеты. Я столько раз потом видела

эту кофту на фотографиях, что однажды попросила Аню не присылать мне старые снимки без предупреждения.

Я рассказала коротко, с самого начала назвав Олега. Мама слушала, глядя на хлеб. Не перебивала. Это ее молчание я в первые секунды приняла за внимание.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросила она наконец.

Я сказала, что понимаю.

— Такие вещи просто так не говорят.

Я повторила. Уже подробнее, хотя каждое добавленное слово давалось с трудом. Мне казалось, в первый раз я могла пропустить то, от чего зависело ее доверие.

Мама встала, налила себе чай, вернулась с чашкой.

— Он мне вчера говорил, что ты нервная. Что у тебя с переездом не получается.

— Получается.

— Я сейчас не про это.

Я смотрела на ее чашку. На боку было написано «Любимой маме». Мы с Аней купили ее на рынке, сложившись подаренными на Новый год деньгами. Тогда я считала такие надписи красивыми.

Мама сказала:

— Ты все выдумала.

Я не сразу поняла, что разговор закончился. Еще пыталась вернуться к началу, уточнить время, сказать, почему я не позвонила сразу. Мама сердилась все сильнее. Она спрашивала, чего я хочу, как нам теперь жить, зачем я порчу человеку жизнь. К концу разговора я уже отвечала на вопросы, которые не имели отношения к тому, что произошло.

— Ты его всегда не любила.

Это было правдой: я его не любила. Маме хватило этой правды, чтобы отвергнуть другую.

Аня вышла из маленькой комнаты. Я не слышала, когда она вернулась от подруги. Она стояла в носках, прижимая к груди школьную толстовку, и спросила, что случилось.

— Ничего, — ответила мама. — Иди одевайся.

Я увидела, как сестра смотрит на меня. Взгляд был испуганный, настороженный. Она ждала, что я тоже объясню ей мир одним простым словом. Я отвернулась.

Потом пришел Олег. Он принес из магазина сметану и положил ее в холодильник. Мама заговорила с ним о сломанном выключателе в коридоре. Я сидела на краю дивана и слушала разговор о выключателе. Олег спросил, купили ли новый. Мама ответила, что не успела.

Я позвонила Рите. Сначала сказала только:

— Можно я к тебе приду?

— Конечно. Что такое?

— Я потом.

Она не стала ждать. Пришла сама. Постучала в дверь, хотя обычно звонила в звонок, и я до сих пор помню, как осторожно она сказала маме «здравствуйте».

Мы собрали мои вещи в спортивную сумку. Мама стояла в коридоре и повторяла, что цирк нужно заканчивать. Рита молчала. Сама понесла сумку, а мне отдала свою легкую куртку.

На улице я рассказала ей. Мы дошли до остановки, сели на скамейку. Рита спросила, хочу ли я в больницу, нужно ли кого-то позвать. Я отвечала «не знаю» на каждый вопрос. Она купила воды и позвонила матери. Сказала, что мы сейчас придем и что мне нужно остаться.

В их квартире мне дали полотенце и постелили в Ритиной комнате. Ее мать не расспрашивала, только спросила, хочу ли я закрыть дверь. Я сказала «да». Она отдала мне ключ, который висел на гвозде над выключателем.

На следующий день хозяйка одного платья приехала за заказом. Рита встретилась с ней у нашего дома, забрала пакет у Ани и принесла мне. Я дошила рукав, сидя на раскладушке.

Женщина на примерке крутилась перед зеркалом, хвалила аккуратность, говорила, что у меня легкая рука. Я старалась не слушать слова и смотрела, ровно ли лежит ткань на плече.

Комнату с кошками я так и сняла. Хозяйка заявила, что задаток не возвращается, даже если обстоятельства изменились. Тогда эта жесткость неожиданно помогла: существовало действие, которое следовало довести до конца. Я перевезла машинку, кружку и книги. Рита пришла вечером с кастрюлей пельменей. Мы ели за моим столом, отодвинув ткань. Через несколько дней одна из кошек украла из коробки катушку и закатила под диван.

Мама позвонила через неделю. Я увидела ее имя и долго ждала, прежде чем ответить.

— Ну что, нагулялась? — спросила она.

Я сказала, что живу в комнате.

— Вижу, принципиальная. Аня из-за тебя плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.